

Евгений Деменок

Ганг

– Индия – это сердце мира. Ее контур напоминает сердце. Поэтому сюда и приезжают те, кто хочет развить свою духовность. А Америка – это желудок мира. Вы посмотрите на карту. Их интересуют только деньги.

Зрелая блондинка Света уверенно откинулась на спинку стула.

– Мы собираемся ехать на север, в Ришикеш. Будем заниматься йогой, – сказала Анжела, стройная юная брюнетка, не отпуская руки своего такого же юного мужа. – Мы сегодня купили очень красивую ткань для костюмов, в которых будем заниматься. Решили сшить себе одинаковые костюмы, у нас же медовый месяц!

Группа из десяти человек сидела во дворике отеля «Madhuban» в Джайпуре и обсуждала свои планы, резко изменившиеся после того, как гид и проводник Валера доказал свою полную несостоятельность. Решили разрабатывать маршрут самостоятельно, друг друга не держаться, разве что в Агру ехать всем вместе.

– Так ты за этим сюда приехал и меня притащил? – раздраженно спросила София у Питера уже в номере. – Развивать свою духовность вместе с пергидрольными блондинками? Скажи еще, что мы завтра тоже поедем выбирать ткань для костюмов.

– Соня, не передергивай. Я не собираюсь ни к чему тебя принуждать. Но в Ришикеш поехать хочу. А там и до резиденции далай-ламы недалеко.

Он почему-то боялся сказать ей, что приехал в Индию потому, что давно зашел в тупик в поисках себя. Себя, смысла, пути движения. Боялся, поэтому уговаривал ее поехать

за экзотикой. Которой пока никак не наблюдалось – дорога из Дели в Джайпур в точности напоминала дорогу из Херсона в Николаев, а джайпурский автовокзал, на который привез их поначалу гид Валера, невозможно было вспоминать без содрогания. Мало кому понравится, когда голодные дети зубами грызут стекло автомобиля, а их родители стаскивают в это время с крыши твой чемодан.

Агра оказалась ужасной. Еще в Джайпуре водитель тук-тука – это первые друзья и собеседники любого туриста в Индии – предупредил, что в Агре преимущественно мусульманское население, поэтому там грязно. То, что где-то может быть грязнее, чем в Джайпуре, Питер и София не могли себе представить. Водитель, однако, оказался прав.

Тадж-Махал скрасил впечатление, но тоже оказался отнюдь не таким красивым, как на картинках. Выйти же оттуда без сувениров оказалось невозможным – наглые загорелые до черноты мальчишки не отпускали до последнего. Казалось, они просто издеваются над большими белыми людьми.

После Агры они остались вчетвером – Питер с Софией и Игорь с Наташей. Друзья, художники.

Маршрут в Ришикеш был таков. Поездом из Агры в Дели, там пересадка на другой поезд, идущий в Харидвар, а уже оттуда – машиной в Ришикеш. Билет в вагон первого класса с кондиционером взяли заранее. Однако в день отъезда водитель тук-тука, ставший уже приятелем, выпив по традиции бутылку рома перед поездкой, сказал:

– Сегодня туман. Ваш поезд задержится часа на четыре. А может, и на шесть.

Никакого тумана Питер с Софией не заметили и потому сочли слова водителя неудачной шуткой. Тем более что ехать до Дели было всего два часа, стыковка была довольно короткой, и любое опоздание поезда ставило под угрозу всю поездку.

Вокзал в Агре напоминал цыганский табор. Прямо на перроне лежали и ели целые индийские семьи, многие мужчины – прямо в костюмах и галстуках. Завидев белых, на друзей набросились появившиеся словно из-под земли дети. Игорь взял оборону – важно было сохранить багаж.

Питер вышел в центральный зал. На табло с расписанием появилась надпись о том, что их поезд опаздывает на два часа.

– Черт, – выругался вполголоса Питер.

– Если вам понадобится помощь, обращайтесь, – скупое бросил невысокий индус, подпиривший колонну. Он ковырялся палочкой в зубах и производил впечатление человека, который решает вопросы.

Питер презрительно окинул его взглядом и направился к перрону.

– Я буду на этом же месте, – негромко сказал индус.

Когда Питер вышел на перрон, он увидел прибывающий поезд из Бомбея, опоздавший на восемь часов. Друзья увидели вагон первого класса, из окон и дверей которого гроздьями свисали люди. Одни выпрыгивали из поезда прямо на ходу, другие на ходу же забрасывали в него свой багаж. Все напоминало кадры из фильма «Ташкент – город хлебный», который он видел в детстве.

Ужас отразился на лице Софии.

– Подождите минуточку, – сказал Питер и быстрым шагом направился в центральный зал.

Индус был на том же месте. На табло изменилось время задержки – теперь уже четыре часа.

– Нам нужно попасть в Харидвар. И у нас пропадают билеты на поезд.

Индус оживился.

– Значит, так. Идемте со мной, сначала вернем в кассе ваши деньги. После этого поедем к моему другу, он организует вам поездку.

Все вместе заняло полчаса – заполнение форм на возврат денег на хинди, поездка к другу в маленькую затхлую комнатку, где пахло сыростью – как почти везде в Индии, а на экране допотопного телевизора бесконечно танцевали и пели бессмертные герои индийских мелодрам. Наконец приехал джип.

– Поедете с комфортом, – сказал человек, решающий вопросы. – Вот вам подтверждение вашей оплаты.

Он отдал Питеру клочок бумаги, на котором была нацарапана сумма и написан телефон.

– Этот номер – на всякий случай. Наш человек будет ждать вас на автовокзале в Дели, там пересядете на другой джип. Если его вдруг не будет, позвоните по этому номеру.

– И это все? – недоуменно спросил Питер, глядя на бумажку. – А печать, подпись?

– Так вот же подпись, – индус показал Питеру едва заметную закорючку. – Этого достаточно.

Человек в Дели действительно ждал. Питер так и не понял, приснилось ли ему, или было правдой то, что он увидел на автовокзале, – ночь, под мостом в пыли рядами лежат сотни мумий, замотанных с ног до головы в белые простыни.

Потом оказалось, что это были живые люди, устроившиеся на ночлег.

В Харидвар приехали на рассвете. Заселились в отель, упали спать. Часа через два Питер проснулся – ему не терпелось увидеть город.

Над городом властвовал Ганг.

Ганг поразил Питера с первой минуты. Его мощное стремительное течение завораживало, унося с собой. Вдоль всей набережной Харидвара из воды выглядывали железные прутья – подобие ограды, которая казалась слишком ненадежной. В других местах вместо прутьев были железные цепи. Их предназначение Питер понял, увидев мужчин и женщин, с головой погружавшихся в воду священной реки на каменных ступенях гхата Хаар-Ки-Паури. Совершая омовение, они крепко держались за прутья, как за поручни, – не будь их, течение снесло бы в секунду.

Как они могут спать, когда рядом такое?

Он бросился назад в гостиницу – будить Софию и друзей.

За завтраком он ежеминутно подгонял их. Наконец все вышли на улицу, оттуда – на набережную.

Ганг поразил всех.

Друзья пошли по гхату, не переставая удивляться обилию паломников, совершающих омовение, и пытаясь их фотографировать. После нескольких возмущенных взглядов они оставили эту затею.

Чуть выше по реке, за поворотом, течение было не таким сильным. Прямо в воде стояли фигурки святых. Разноцветные, разной

высоты, они напоминали плохо сделанных кукол; некоторые, впрочем, были маленькими шедеврами.

Над рекой парила гигантская синяя фигура Шивы. Ее было видно из любой точки города. Питер быстро пошел к ней, София и друзья пустились вдогонку. Шива отстраненно улыбался; его улыбка напоминала улыбку Джоконды. В левой руке его была тришула, над головой – полумесяц, появившийся после того, как Шива пропустил через свои волосы бурные воды Ганги. Через плечо была перекинута тигровая шкура, а шею, руки и ноги, словно браслеты, опоясывали кобры.

Питер спустился к реке, сел у воды, которая была в этом месте совсем тихой, и погрузился в себя. Границы его «я» стали размытыми, нечеткими, словно Ганг растворил его в себе. Такое бывало в его жизни несколько раз, и каждый раз состояние это было таким сладостным, что из него не хотелось выходить. Время исчезало, пространство не имело значения, а все волнения и страхи исчезали совершенно во всепоглощающем состоянии единства со всем миром.

Друзья ждали его больше часа; наконец он услышал их голоса и нехотя поддался уговорам пойти гулять по городу. Пройдя обратно по гхату, вышли на центральную улицу; поднялись вверх на фуникулере к храму Манса Деви, кормили фруктами обезьян; потом спустились вниз, зашли в несколько ашрамов, довольно чистых и аккуратных; в очередной раз подивились тому, как хозяева кафе моют посуду в грязных тазах, стоящих на земле; вода по тонкому шлангу насосом подавалась прямо из реки. Рядом стирали белье, выжимая его и затем выбивая прямо о землю. Коровы и небольшие поджарые свиньи жевали лежавшие на земле газеты; посередине моста под палящим солнцем спал мужчина, ноги его мешали проезжавшим мимо автомобилям и велосипедистам, которые, однако, спокойно объезжали их, не желая тревожить его сон. И все же Харидвар был удивительно чистым, особенно после Агры – Питер увидел даже, как владелец лавки со сладостями сметал самодельным веником пыль перед ее входом. После Раджастана – невиданное зрелище.

Первый опыт отрешения от действительности случился у Питера в школьные годы. Он много читал тогда о дзене, мгновенном

просветлении – сатори, мечтал попасть в буддийский монастырь, чтобы в медитации или при работе над коанами достичь просветления. Все случилось совершенно неожиданно – родители в очередной раз громко ссорились, Петя безуспешно пытался не замечать этого, и вдруг – слезы потекли из его глаз, весь мир показался прекрасным, прекрасными показались и люди – все без исключения. Ничто не могло омрачить этого ощущения всепоглощающего счастья и наполненности. Питеру казалось, что это состояние длилось долго, очень долго; позже он понял, что прошло не больше пятнадцати минут, но время – величина условная, если оно, впрочем, вообще существует. Потом за годы занятий йогой он переживал несколько подобных моментов, когда время останавливалось, мысли останавливались вместе с ним, все вокруг становилось понятным, прозрачным и очевидным, и даже находившиеся рядом люди не могли помешать его радостному созерцанию.

Вечером опять гуляли у реки. Закат – время для пуджа и Ганга-арти, церемонии подношения даров богине Ганге. За двадцать рупий можно купить корзинку из листьев банана со свечой и цветами внутри и аккуратно, так, чтобы вода не перевернула ее, опустить ее в Гангу. Свечи быстро уносило течением, их было так много, что вся река напоминала торжественную процессию. София была в восторге. Она прижалась к Питеру, и они долго стояли, любуясь светом и его отражениями в воде. Питер заметил мальчика, с любопытством наблюдающего за ними, – он держался немного в стороне, у деревьев, но следовал за ними неотступно. Наконец решили идти домой – утром выезжать в Ришикеш, нужно собраться и отдохнуть. Питер ждал, когда мальчик попросит денег, и по привычке, быстро появляющейся у белого человека в Индии, полез было в карман – но мальчик, увидев, что они уходят, сам развернулся и пошел в другую сторону.

– Постой, – окликнул его Питер. – Разве ты не хочешь денег?

– Нет, сэр, – ответил тот.

– Тем более возьми – за вежливость.

Питер протянул ему купюру, мальчик взял ее, внимательно посмотрел на Питера почти черными глазами, сдержанно кивнул.

Игорь и Наташа уже нашли офис фирмы, предлагавшей экскурсии и трансферы. Впереди – Ришикеш.

Рано утром на подержанном такси выехали на север. Двадцать километров проехали меньше чем за час. Горы становились все выше; наконец въехали в узкую долину у Ганга, по обоим берегам которого вытянулся город. Подвесной мост, поворот налево, вверх, и наконец – несколько отелей, совершенно европейского вида кафе и – о чудо! – немецкая пекарня. Неслыханное для Индии дело.

На узкой полоске земли у подножия гор сгрудились отели и кафе. «Hill Top Swiss Cottage» был заполнен европейцами, израильтянами и японками. В скромном, но чистом номере был большой балкон с видом на горы. Питер вышел на него, сел на стул и задумался. К действительности его вернул голос Софии:

– Через полчаса внизу урок йоги, мы с Наташей пойдем.

– А Игорь?

– Вроде остается в номере.

– Тогда мы с ним пойдем в кафе, а вы присоединяйтесь к нам.

Через десять минут они уже сидели с Игорем в кафе. Вид с террасы на Ганг был прекрасным, а меню многообещающим – в нем были даже хумус и салат табуле. На поверку ничего этого не оказалось, но порыв хозяев был благородным.

В конце концов взяли пасту и уткнулись в планшеты. Рядом тем же занимались израильтяне и итальянцы.

– Ты видел новое интервью с Савадовым? – спросил Игорь.

– Нет. Не особо его люблю, особенно после «Книги мертвых». Да и живопись не моя, по-моему, она декоративная и слабая.

– Энергетически он очень мощная личность. И задает тренды. Пробует границы дозволенного и иногда переступает их.

– Пусть переступает без меня. Но дай посмотреть.

Питер просмотрел наискосок ответы на вопросы о выставках в Нью-Йорке, Лондоне и Москве, уже внимательнее прочел ответ о том, что происходит в современном искусстве, – тем более Савадов цитировал там Сережу Ануфриева, – и завис на последнем абзаце.

– Что там? – спросил Игорь.

– Отвечает на вопрос о своей задаче в искусстве. Послушай:

«Мы озадачены совершенством. Но себя не обманешь, чтобы быть – произведение должно быть личным. Перефразируя Марселя Пруста: в искусстве нельзя быть лучше другого, можно лишь открыть себя. Хотя этот вариант трагичен, страшно же: а вдруг там ничего нет».

– Лихо, – сказал Игорь.

– Да уж, – ответил Питер.

Он боялся этого больше всего. Того, что поиски себя могут привести к пониманию того, что внутри – ничего нет.

Подожли София с Наташей. Все заказали масала-чай.

– Как тебе Ришикеш, Петя? Какие впечатления? – спросила Наташа. – По-моему, огромный контраст с Агрой и Джайпуром.

– Я наконец счастлив, – ответил Питер. – Я увидел ту Индию, о которой читал и мечтал. Великие учения рождаются среди великих пейзажей. Я здесь хочу попробовать закопаться в себя, понять, кто я такой. Может быть, получится найти то уникальное зерно, из которого выросла моя личность. Надеюсь, я найду его, а не пустоту, о которой говорит Савадов.

Игорь улыбнулся.

– Так что, ты пойдешь с нами утром на йогу? Искать свое зерно? – спросила Наташа.

– Ну ладно, пойду, – ответил Питер. – А потом мы хотим пойти в ашрам «Битлз». Да, Соня? Он уже давно закрыт и заброшен, но, говорят, за небольшую плату сторож пускает внутрь, а энергетика там потрясающая. А вы?

– Будем тупить. Устали. Наверное, сходим на массаж.

– Я видела объявление – тут можно пойти с проводником на трекинг в горы. Завтра им позвоню, – сказала София.

– Отлично, – сказал Питер. – Ну что, пойдём к себе? Хочу немного поработать.

Утром после йоги позавтракали, спустились к реке. Ашрам «Битлз» был на другом берегу. Рядом с подвесным мостом Рам-Джула на небольшом базаре продавали одежду и сувениры. Пройти мимо было сложно, и София купила себе сарафан и – для Питера – длинную индийскую рубаху. Потом не смогли пройти мимо кукурузы. Хорошо, что после этого осталось совсем немного рупий.

Невысокие индийские коровы прогуливались вдоль лотков, разглядывая товар. Ничего съедобного на лотках не было, зато оно было в руках у Питера. Светло-бежевая корова подошла к нему и потерялась о ноги.

– Муся, – сказал он, поглаживая ее по теплому боку.

Муся выхватила у него из рук теплый кочан и моментально проглотила.

– Помнишь, как в Харидваре корова съела весь лук с лотка с овощами, пока хозяин отлучился? – с улыбкой спросила София.

Конечно, он помнил. Пора было идти.

Мост Рам-Джула немного шатался под весом пешеходов. Внизу стремительно нес свои воды Ганг.

На другом берегу было оживленнее. Многочисленные сады в оранжевых одеждах сидели под деревьями и на каменных скамьях. Каждый из них занимался чем-то своим. Кто-то негромко читал вслух священные тексты, кто-то важно курил глиняную трубку, несколько человек тщательно выводили в огромных тетрадах все известные им буквы. Остальные просто сидели с торжественным видом, ожидая милостыни. Вокруг прыгали обезьяны. На одной из каменных скамей меланхолично стояла корова.

Миновав череду лавок и магазинчиков, Питер и София подошли к самому красивому ашраму Ришикеша – Парматх-Никетану. На ступенях у воды сидело множество босых людей, преимущественно белых. В индийские храмы нужно входить босиком. Питер с Софией тоже посидели у воды, прошли под аркой с колесницей Кришны и вошли во двор ашрама. В зелени деревьев утопали беседки, в каждой из которых находились цветные скульптуры, по которым можно было изучать индуизм. Особенно запомнился Хануман, разрывающий свою грудь, внутри которой улыбались Сита и Рама.

София потянула Питера в столовую. Там почему-то пахло хлоркой.

– Ну что, пойдём к «Битлам»? – нетерпеливо спросил Питер.

Ашрам «Битлз» был дальше, вдоль по течению Ганга, за ашрамом Вед-Никетан. На него указывала стрелка на деревянном столбике. Рядом на стене красовался указатель: «Last chance cafe».

– Многообещающее название, – сказала София.

Вокруг почти никого не было. Наконец навстречу вышли две молодые англичанки.

– Скажите, мы идем правильно? Ашрам «Битлз» впереди? – спросила у них София.

– Да, еще немного. Там железные ворота на замке, сторож рядом, постучите или покричите. Он впустит вас за пятьдесят рупий.

Сторожа пришлось звать минут десять. Когда он открыл ворота, на лице его отразилось неприкрытое изумление.

– Вы, наверное, из Японии? – спросил он Софию.

– Нет, а почему вы так решили?

– У вас такие замечательные рыжие волосы! Японки любят красить волосы в яркие цвета.

Питер и София с улыбкой переглянулись, и Питер протянул сторожу пятьдесят рупий.

– Это за одного, – сказал сторож.

Пришлось доплатить, но это того стоило – впереди были настоящие джунгли.

– Помнишь фильм Брайана Кокса о том, как природа отвоевывает свое у цивилизации, и хаос приходит на смену порядку? – спросила София.

Конечно, Питер его помнил.

Ашрам Махариши Махеш Йоги закрылся в 1984 году. С тех пор природа год за годом возвращала свои позиции.

Трудно представить, что ашрам был когда-то самым комфортным в округе, а может, и во всей Индии, домики для медитации были не только кондиционированы, в них даже было отопление, а на территории была своя вертолетная площадка. Хотя – почему трудно? К тому моменту, как в Ришикеш приехали «Битлз», во всем мире трансцендентальной медитацией занималось больше миллиона человек. После этого ашрам разрастался еще почти двадцать лет. Теперь основные его обитатели – обезьяны и пауки.

Питер с Софией шли по дорожкам, остатки асфальта на которых давно уже были взломаны травой и кустами, и разглядывали разбросанные по всей территории ашрама диковин-

ные каменные яйца – домики для медитаций. Практикующие жили на первом этаже цилиндрического дома и медитировали на его крыше в яйцеобразной келье. Двух-, трех- и четырехэтажные гостиничные корпуса – одни совсем простые, другие с диковинной каменной резьбой – заросли почти полностью. Одно из зданий показалось менее заросшим и более безопасным; Питер и София осторожно поднялись по бетонной лестнице пустого дома на крышу, подошли к ее краю и сели, свесив вниз ноги. Вокруг не было совершенно никого и царила почти абсолютная тишина, нарушаемая только редким пением птиц и глухим мощным шумом Ганга.

Когда-то этот дом был полон послушников, учеников и просто туристов, сейчас был пуст и заброшен, но атмосфера чего-то неуловимо приятного и даже величественного сохранилась до сих пор. Махариши выбрал отличное место для ашрама. Сложно придумать что-то лучше – ашрам утопал в зелени, высокие деревья давали тень и прохладу. Предгорья Гималаев смотрели прямо на тебя, а Ганг, великий и быстрый Ганг, делал в этом месте поворот, воды его шумели, перекачивая камни и блестя на солнце. Солнце словно играло с водой, и вода, радуясь этому, переливалась и резвилась, устраивая тот праздник, который пузырьки устраивают в бокале с шампанским.

Питер сидел на крыше заброшенного дома, и ему никуда больше не хотелось идти. Не хотелось вставать и даже двигаться. Время снова исчезло. Мысли были четкими и прозрачными. Они лились одна за другой, словно воды Ганга. Он ощущал себя. Ощущал единство с этим местом. А через него – со всем миром, в котором есть великие горы и океаны, реки и пустыни. Он был с ними одним целым и не хотел возвращаться в себя, в свое «я». Состояние блаженства наполнило его, он не хотел его потерять, но оно не удержалось, постепенно ослабело, и Питер стал думать о том, кто же он такой и что есть его «я». Мысли текли плавно, ничто не преграждало им путь – ни рефлексия, ни сомнение. Через несколько минут Питер понял, что его «я» – это просто совокупность знаний, воспоминаний и впечатлений, накопленных им за прожитую жизнь, и что меняться его «я» будет лишь потому, что накопятся новые воспоминания и впечатления. Табула

раса. Чистый лист. Он был чистым листом при рождении. Как Питер ни старался, он не мог нащупать, почувствовать в себе ту вечную, вневременную, бессмертную основу, о которой он так много читал. То самое зерно. У него не было жесткого диска. Только оперативная память.

Больше всего Питер удивился тому, что это открытие его не огорчило. Ну что же, если он – просто сгусток воспоминаний? Так тому и быть, и он ничего не может с этим поделать. Он может лишь постараться сделать так, чтобы новые впечатления, которые станут потом воспоминаниями, стали как можно более радостными и интересными.

София сидела рядом и тоже была погружена в свои мысли. Питер удивился тому, что она молчит уже больше часа и никуда не тянет его, не просит уйти из этого заброшенного места, а она ведь не любит такие места. София любит общество, бурление жизни – и, конечно же, комфорт. А индийский комфорт не совсем соответствовал ее ожиданиям.

И тем не менее, она молча сидела на крыше заброшенного дома и никак не выказывала недовольства или нетерпения. «Неужели она что-то почувствовала? – подумал Питер. – Неужели и ее проняло?»

Наконец София прервала молчание.

– Милый, это просто райское место. Мне очень хорошо тут. Не хочется отсюда уходить, правда?

Питер обнял ее.

Сумерки пришли незаметно. Пора было выбираться из джунглей ашрама. Ворота оказались закрытыми, пришлось долго звать и искать сторожа. Как только Питер и София вышли за ворота из тени деревьев, света вокруг стало ощутимо больше.

Красное солнце уходило за горизонт, отражаясь в воде.

Они шли обратно по набережной и любовались закатом. Прямо у реки очередной гуру в белоснежных одеждах позировал для ролика с проповедью своего учения. Время для съемок выбрали самое что ни на есть удачное – отраженный в воде свет заходящего солнца освещал гуру розовым светом. Снимали сразу на три камеры – один из операторов лежал у ног проповедника, снимая

его снизу, двое других ловили каждое слово, стоя с разных сторон. Чуть дальше с рекламного щита на прохожих строго и проникновенно смотрел его конкурент.

– По-моему, в Индии каждый может основать свое учение и стать святым, – сказала София.

– И ученики всегда найдутся, – продолжил Питер.

– Главное – отпустить бороду. Без бороды учеников не найдешь.

– Ты знаешь, я видел на борде одного без бороды. Правда, выглядел он очень подозрительно, – с улыбкой сказал Питер.

– Ты не хочешь попробовать? – шутливо спросила София. – Бороду отпустить я тебе, так уж и быть, разрешу.

Питер хмыкнул и замолчал.

У Парматх-Никетана на ступенях собралась огромная толпа. Было время пуджа. Послушники зажгли священный огонь, а затем сотни людей опустили в реку тарелочки с лепестками цветов и свечами на них.

Через час Питер с Софией пришли в отель.

– Я посижу на балконе, – сказал Питер.

– Хорошо, я пока зайду к ребятам, – ответила София.

Когда она вернулась, он по-прежнему сидел на балконе. Из темноты, в которой прятались деревья, время от времени раздавались странные, пугающие звуки. Внезапно один прозвучал совсем близко. София вздрогнула, Питер даже не шелохнулся.

– Милый, что случилось? Ты был таким веселым...

– Ты не поймешь.

– Спасибо, ты всегда был обо мне высокого мнения. И все же?

– Савадов был прав. Там, внутри, ничего нет. И это страшно. Еще страшнее то, что пустым могу быть только я, а, например, у тебя внутри – бездна оригинальной мудрости.

– Конечно. Так и есть. Разве ты не знал? – ответила серьезно София и, взглянув на вытянувшееся Петино лицо, громко рассмеялась.

Где-то недалеко что-то ухнуло еще громче.

– Дурачок. Завтра мы пойдем в горы, на трекинг. А сейчас – иди ко мне и отбрось свои глупые мысли. Будем заполнять твою пустоту, – сказала София и взяла Питера за руку.

Они зашли в комнату, плотно закрыли балконную дверь. В комнате пахло чем-то сладким – типично индийский запах. София села на кровать, потянула Питера к себе, потом резко опрокинулась на спину. Он лежал сверху и смеялся.

– Я же говорила – дурачок.

– Только не говори ребятам. Пожалуйста.

– О том, что мы занимались любовью?

– Ты знаешь, о чем.

– Я подумаю, – ответила София. – Выключи свет.

